

Новый ии периодъ Русской исторіогра- фіи.

Историко-юридическая школа.

Первые представители:

§ 15 Густавъ Эверъ (+1830).

Библиографія:

Смолт. статьи въ журналы Ми-
нистерства Народнаго Просвѣще-
нія - IX, 635 и XXVIII, 40.

Первые представители историко-юридиче-
ской школы сыграли ту же роль въ разработ-
кѣ юридическаго быта Руси, какую иллицеръ и дру-
гѣ нѣмекіе академики - въ разработкѣ внѣш-
ней Русской исторіи и по вопросу возникновенія
русскаго государства вообще. Заслуга Эвера со-
стоитъ въ томъ, что онъ, можно сказать, пер-
вый создалъ науку исторіи Русскаго права. Въмѣ-
стѣ съ Рейцолъ, своимъ ученикомъ, Эверъ первый
заговорилъ о родовомъ бытѣ древней Руси и въ этомъ
направленіи имѣлъ много послѣдователей; заслу-
живаетъ также полнаго вниманія попытка
его объяснить исторію съ точки зрѣнія внутрен-
няго развитія. Важнѣйшіе труды Эвера: -
учебникъ исторіи до Ивана IV - „geschichte
der Russen“; Kritisches voraarbeit zur ges-
Рус. исторіографія. Лекціи проф. Багалъя. 2 часъ. л. 20.

schichte der Russen; das älteste Recht
 der Russen". Сочиненіе его „Критическій изыс-
 дованіи по Русской исторіи" состоитъ изъ 2^х
 частей и имѣетъ характеръ введенія въ рус-
 скую исторію, въ родъ „Розысканій" Иловайскаго.
 Въ первой части „Изысдованій" Эверсъ прихо-
 дитъ къ выводу о мѣстномъ, туземномъ про-
 исхожденіи Руси. Его изысдованія приуроце-
 ны къ хронологическому изложенію Русской
 мѣстности. Варяговъ онъ считаетъ Норманна-
 ми и прибавляетъ, что ихъ не сльдуетъ смѣ-
 шивать съ Русью; въ этомъ онъ расходится съ
 Шлецеромъ и Норманистами. Шлецеръ утверж-
 даетъ, что призванные Варяги-Русь были тѣ
 самые, которые незадолго передъ тѣмъ были
 прогнаны Новгородскими Славянами. Несторъ,
 по словамъ Эверса, „ничего не говоритъ о воз-
 вращеніи прогнанныхъ Варяговъ и называетъ
 призванныхъ, для отличія отъ упомянутыхъ
 прежде, Русью. Посланныи говорятъ имъ:
 „земля наша велика и обильна"; — нужно ли
 имъ было такими словами хвалить ее Варя-
 гамъ, которымъ она понравилась только, что
 незадолго передъ тѣмъ должно было выгна-
 ихъ оттуда силою? Не доказываютъ ли бо-
 лѣе сіи слова прѣтвнаго? Не доказываютъ
 ли онъ, что Словене говорили такому на-
 роду, которому земля ихъ, по ихъ мнѣнію,
 была совершенно неизвѣстною? — Разумѣется."
 Эверсъ сильно нападаетъ на „Нѣмцевъ" (Нор-
 манистовъ) за ихъ филологическія толко-
 ванія именъ призванныхъ князей. Больше
 всего, по его мнѣнію, можно задуматься въ

производство словъ и именъ. „Не смотря на сѣ, продолжаетъ Эверъ, безпрестанно являющія отважные искушения и, подлику Байдръ представилъ здѣсь вожатый, то самъ недоумчивый Шлецеръ рѣшился ему сочувствовать и очень обрадованъ, найдя съ нимъ влиять у Снорри, у Саксона и другихъ множество Скандинавскихъ гербовъ, кои назывались такъ или почти такъ, какъ Рюрикъ и Труворъ, наприм.: Трорекуръ, Рорекъ, Рорикръ, Рюрикъ; Труваръ, Труере. Съ третимъ, Ойнеусомъ ему не посчастливилось; но онъ утѣшился въ неудачѣ, предположивъ, что сѣ имя испорчено русскими и напомнивъ у Саксона объ одномъ царѣ Снѣ, а вѣсто потіне по а вѣнчентъ...

Байдръ почитаетъ Игоря и даже Святослава съ Владиміромъ Скандинавскими именами. „Сходство звуковъ въ двухъ первыхъ именахъ съ приведенными въ примѣръ нельзя не признать, и потому они могутъ подкрѣпить историческое положеніе, но не могутъ доказывать оного.“ Несколько разъ по поводу разныхъ вопросовъ Эверъ останавливается отъ времени до времени на филологическихъ догадкахъ нѣмецкихъ ученыхъ. Разбирая толкованія названій днѣпровскихъ пороговъ, Эверъ приводитъ слова Шлецера для характеристики того метода, которымъ производятся филологическія изысканія: „если какое либо слово не имѣетъ заимѣтой съ другимъ созвучности, то его поднимаютъ на этимологи-

чeskую дѣлу и мучать его до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука, какому хочется жестокому словопроизводителю". Эверсъ опровергаетъ мнѣнiе Шмеллера, что Русскую исторiю будто-бы создаетъ начинать съ Рюрика, который основалъ, по словамъ Шмеллера, русское государство и при которомъ „три совершенно различныхъ народа, т.е. Новгородцы (Словене), Южбы (Финны) и Руссы (Норманны) соединились въ одно и составили одинъ". Эверсъ не считаетъ Рюрикова единодержавiя на столько важнымъ, чтобы съ него начинать русскую исторiю, уже потому, что его единодержавiе было ограничено находившимися подъ его рукою нашествiями, которые также назывались князьдми. Въ правленiи Рюрика нигдѣ Южбы не соединялись въ одно съ Новгородомъ. Руссами назывались Новгородскiе и Киевскiе Славяне, у которыхъ находились главныя мѣстопробыванiя иноземныхъ князей. „Олеъ покорилъ себѣ Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей, но нигдѣ нѣтъ помину о томъ, чтобы они отъ него назывались Руссами". Русское государство при Имѣнѣ, по мнѣнiю Эверса, образовалось раньше Рюрика, такъ какъ народы, призванные Рюрикомъ съ другими князьдми, еще раньше этого призванiя составили союзы и управлялись потомъ сами собой, когда были изгнаны варяги возставшими въ Вадимомъ Новгородцами. Во второй книжкѣ своихъ „иссѣдованiй" Эверсъ говоритъ, между

прочимъ, о „древнѣйшихъ сльдкахъ Русскаго импе-
 ни“. Эти сльды находятся еще въ книгѣ про-
 рока Езекииля, гдѣ тотъ говоритъ о Рассакъ,
 которые у классическихъ древнихъ писателей
 превращаются въ Роксоланъ, обитавшихъ по съ-
 веру Чернаго моря. Въ сльдующей вѣка Россы
 остаются, по его мнѣнію, на тѣхъ же мѣстахъ,
 т.е. между Чернымъ и Русскимъ (у Нестора)
 моремъ и Каспійскимъ. Въ подтвержденіе
 своей мысли онъ приводитъ сказанія арабскихъ
 писателей. „Между Каспійскимъ и Чернымъ
 моремъ жили Руссы прежде, нежели исторія
 узнаетъ гдѣ-либо народъ сего имени. Разу-
 мѣется, на такомъ заключеніи нельзя основы-
 вать никакого прочнаго мнѣнія, но въ необхо-
 димости сего заключенія ясно представляется
 отраженіе истины, за которую говорятъ исто-
 рическіе свидѣтели“. Говоря о названіи Черна-
 го моря Русскимъ, Эверъ указываетъ на то,
 что здѣсь встрѣчаешь впервые страну, носив-
 шую имя Русское раньше Славянъ (Новгород-
 скихъ и Киевскихъ). Естественно, говоритъ онъ,
 искать руссовъ при Русскомъ морѣ, нежели
 при Варяжскомъ. Напрасно станутъ возра-
 жать, что сіе названіе мѣшается всей своей си-
 лы доказательной по той причинѣ, что мы
 не знаемъ древности онаго, — оно можетъ — де
 относиться къ тѣмъ временамъ, когда Словен-
 скіе Руссы, владѣя Млутараканью, владѣли
 уже и по берегамъ Понта. Я отвѣчаю: ран-
 нее сіе владѣтельство Словенскихъ руссовъ въ
 столь отдаленныхъ южныхъ странахъ оста-
 лось бы для изсльдкователю неразрѣшимымъ

загадкой, если бы мы не нашли какой либо связи между ними и какими нибудь могущественными народами в сей отдаленной стране". Итак, Эверс признает, что Словенские руссы жили с давних пор, именно, по его мнению, - со времени Олега, на берегах Черного моря, приблизительно в местности, известной впоследствии (при Владимире св.) под именем княжества Тмутараканского.

Из других взглядов Эверса нужно отметить взгляд на Аскольда и Дира, которых он считает Туграми. Тугры были подчинены за 2 столетия предвременно Аскольда и Дира Хазарам, которые в IX вѣкѣ собирали дань с Киевских Полань и Аскольда и Дира, бывших в дружину Рюрика, тоже сдѣлавших данниками хазарь, когда овладѣли Киевом.

Другое сочинение Эверса "Древнѣйшее русское право" состоит также из 2-х частей его приложеніями в конец книги. Первая часть труда посвящена временам языческимъ, а вторая - христианской эпохѣ. Въ своей книгѣ авторъ разсказываетъ постепенный ходъ развитія славяно-русскихъ племенъ, начиная съ низшей ступени - "семейственной", т.е. съ родового быта, общаго всемъ народамъ на известной стадіи ихъ культуры и затѣмъ переходить къ обзорно государственной зачатковъ, которые въ первый вѣкъ Русской исторіи были еще въ сильной зависимости отъ обычаевъ предыдущаго періода - семейственнаго и, благодаря этой зависимости, правовыя

отношения древней Руси были противоположны, "чуждоцивилизационным изрождением филои, буйной природы человека". Исходя изъ своего взгляда на бытъ Славянъ до-Рюриковскаго времени, авторъ излагаетъ въ предметной связи ходъ развитія русскаго права по памятникамъ - договорамъ Олега и Игоря, по Русскоу правду. Ходъ исторіи всѣхъ человѣческихъ обществъ Эверсъ объясняетъ такими образами: "каждый народъ сложился изъ многихъ племенъ, племена изъ родовъ и семействъ, и, инаже сказать, изъ небольшихъ общественныхъ союзовъ, которые сами собою, мало по малу, образуются изъ многочисленныхъ, вѣдѣній живущихъ потомковъ одного какого либо племени.....

Государства, которые потомъ начинаютъ развиваться (второй шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода), суть не что иное, какъ соединенія отдѣльныхъ, бывшихъ дотолъ совершенно свободными родовъ, или большихъ семействъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы." Въ первый времена созданія русскаго государства не было формальныхъ законовъ, такъ какъ у первыхъ князей и самого понятія о государствѣ не существовало. Управленіе носило случайный характеръ, князь еще дѣйствовалъ, какъ родоначальникъ семьи или рода. Онъ похожъ на библейскихъ патриарховъ въ томъ только различіи, что тѣ управляли однимъ родомъ, а князь - многими родами. Самый способъ владычествія, по мнѣнію Эверса, имѣлъ также родовой характеръ, т. е. оставшееся почти

отца насильство нераддѣльно поступило во владѣніе вѣсь его дѣтей, причеиъ обоиъновенно старшій изъ нихъ бѣиъ во шавъ младшихъ, и по смерти одного брата старшинство переходило не къ сыну его, а къ свѣдующему за нимъ брату. На основаніи этихъ оговѣръ русскими землими правили три брата Рюриковича сообща. Позже самое бѣио и въ Киевѣ, въ лицѣ Кія, Щека и Хорива. Такимъ образомъ способъ родового владѣнія, по Эверсу, переходитъ на князей. На основаніи того же родового бѣио Олегъ не бѣиъ опекуномъ малолѣтняго Игоря, но самостоятельнымъ княземъ, къ родственнику Рюрика, какъ членъ одного съ нимъ рода. Это видно изъ того, что Олегъ продолжалъ бѣиъ княземъ и тогда, когда уже наступило совершеннолѣтіе Игоря, когда не нуженъ бѣиъ опекунъ. Княгиня Ольга правила государствомъ за своего сына какъ наместница, и какъ попечительница надъ его ищуществомъ, подобно тому, какъ маѣ, по древнему праву, могла сидѣть съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ отеческомъ домѣ безъ раздѣла. Местъ, право мести до основанія государства принадлежало частнымъ лицамъ, а при родовомъ устройствѣ - цѣлому роду. Постоянная опасность со стороны враговъ побуждала отдѣльные селѣи не разлучаться, а напротивъ соединяться въ цѣлыя роды, а эти роды - въ племена. „Сперва, говоритъ Эверсъ, начальники рода имѣли всеиъ полную власть, каждый оѣиъ владѣиствуетъ почти независимо въ своемъ

семействъ. Но съ возрастаніемъ родовъ и пле-
менъ возрастаетъ и власть ихъ начальника;
онъ приобретаетъ славу и обогащается отъ
добычи; въ его распоряженіи состоятъ все, въ
чемъ нуждается, чѣмъ владѣетъ цѣлый со-
юзъ. Начальникъ племени, если онъ вѣдаетъ
сластивымъ воинствомъ, дѣлается мало по ма-
лу владыкою надъ извѣстными простран-
ствами земли, могущественнымъ княземъ.
Но первоначальное семейственное отношеніе,
основанное на самой природѣ, долго еще
сохраняетъ свою силу и въ повзрослованномъ
государствѣ." Разбирая договоры Олега и
Игоря съ Греками, Эверсъ видитъ въ нихъ боль-
шую разницу какъ по формѣ, такъ и по со-
держанію. Договоръ Олега, заключенный послѣ
его побѣдоносного похода на Константино-
поль, представляетъ изъ себя обыкновенный мир-
ный трактатъ между двумя самостоятель-
ными народами, являющийся къ обоюдной
пользѣ обоихъ народовъ, тогда какъ въ дого-
ворѣ Игоря, заключенномъ послѣ его неудач-
наго похода на Грековъ, сами Греки являют-
ся дающими миръ на условіяхъ, выгодныхъ
для себя и менѣе выгодныхъ для Русскихъ. По
содержанію своему договоръ Игоря составляетъ,
по мнѣнію Эверса, приращеніе къ Олегову
договору и это приращеніе было сдѣлано со-
образно съ обстоятельствами времени, было
обусловлено нарушеніемъ перваго — Олегова до-
говора со стороны Игоря. „Съ духомъ древ-
нихъ народовъ, говоритъ Эверсъ, совершенно
Русск. Географія. 2^е изд. Лисъ 21.

согласно оставлять непрерывно въ своей силѣ, какъ основу, первый договоръ, заключенный при первоначальномъ основаніи какого нибудь отнo-
шенія... Такъ поступали Новгородцы... За-
ключая договоры съ своими князьями, они не
почитали нужнымъ повторять каждый разъ сно-
ва о древнихъ, первоначальномъ устройствѣ
своихъ городовъ, о своихъ преимуществахъ и воль-
носіяхъ, данныхъ имъ Ярославомъ." Эверсъ
свидѣтъ въ договорахъ за вліяніемъ русска-
го и греческаго элемента. Византійскій эле-
ментъ сличенъ въ особенности въ нашихъ церковномъ
правѣ. Сличды русскіе обычаевъ и правовъ, гру-
быхъ и вовсе несопоставимыхъ съ Византійскими за-
конами, Эверсъ объясняетъ тѣмъ, что грубый на-
родъ крѣпче держитися своихъ обычаевъ, не доволь-
няется утонченными законами Византійцевъ, и что
образованнымъ Византійцамъ легче было приспо-
собиться къ менѣе совершеннымъ правамъ и обы-
чаямъ грубого народа, чѣмъ этому помыслимъ
- возвыситься до пониманія Византійскихъ зако-
новъ. Отмѣтивши взглядъ Эверса на знаѣность
рода: „Благородными фамиліями признавались
тѣ, которые могли доказать свое происхожде-
ніе отъ древняго начальника племени или, по
крайней мѣрѣ, родство съ нимъ. Таковы были бо-
ляре." Званія боярина не могъ дать, по его мнѣнію,
самъ князь, такъ какъ тогда еще не было обы-
чая награждать титуломъ. Князь могъ награ-
дить помыслимъ, принимаетъ въ дружину, но не
могъ сдѣлать бояриномъ. Для окончанія обзоръ
важнѣйшихъ взглядовъ Эверса приведемъ
его взглядъ на дѣйствія Святослава: „Свя-

тополкѣ, если держатся со всею строгостію исторической истины, даже и не можетъ быть названъ братушкой. Борисъ и Глебъ были только ближайшими его родственниками, но не братьями. То крови онъ былъ сынъ Ярополка; а что Владимиръ его усыновилъ и некоторымъ образомъ призналъ его старшимъ своимъ сыномъ, это еще не могло произвести кровного родства въ истинномъ смысле."

Методъ изслѣдованій Эверса выражается въ сущности въ его словахъ: „Если мы хотимъ судить правильно о древнихъ временахъ и, сколько возможно, имѣть передъ собою древнюю исторію, а не древнія событія въ новопитанной покрывѣ; то мы должны строго держатся словъ историковъ и въ своихъ сужденіяхъ о дѣяніяхъ основываться не на понятіяхъ нашего вѣка, но на понятіяхъ того времени". И дѣйствительно, Эверсъ всегда при изслѣдованіи какого нибудь вопроса, приводитъ текстъ Русской Правды, присоединяетъ переводъ, дѣлаетъ анализъ текста и уже затѣмъ строитъ выводы, причемъ иногда пользуется, какъ мы уже упоминали, аналогіей, такъ какъ, по его мнѣнію, „у всѣхъ древнихъ народовъ, въ первый періодъ развитія ихъ гражданственнаго состоянія, право совершенно сходно въ главныхъ чертахъ своихъ".

Починкомъ Эверса и поощриваемихъ его теорій родового бытія былъ Рейцъ. Онъ оставилъ сочиненіе: „Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ" (М. 1836), переведенное съ нѣмецкаго Морошкинымъ. Въ предисловіи къ этому переводу Морошкинъ

указывает на значеніе труда Рейца. Рейцъ, по словамъ Морозкина, приводитъ въ своемъ трудѣ массу матеріала; онъ воспользовался всеми историческими права, какіе были извѣстны въ его время. Онъ начинается съ первыхъ понятій о правѣ и заканчиваетъ временемъ полнаго образованія Московскаго государства (XVII в.). Онъ дѣлитъ исторію права на періоды: 1) IX в. - XI; 2) XI - XVI; 3) XVI и XVII, т.е. до учрежденія и 4) XVII в. - до новаго времени. Три этои дѣленія онъ основываетъ на истинныхъ моментныхъ, совершаемыхъ правомъ въ его развитіи. „Въ каждомъ періодѣ онъ восстанавливаетъ форму юридическаго бытія Россіи во всѣхъ частяхъ законодательства.“ Недостатокъ сочиненія Рейца обуславливается его иностраннымъ происхожденіемъ и состоитъ въ томъ, что „для него въ исторіи все шло въ видѣ прошедшаго. Онъ не чувствуетъ потрясенія отъ вступленія средства между читателемъ и чередой минувшихъ лѣтъ; не могъ одушевить лѣтисчисленіемъ сознаніемъ Московской правды.“

Рейцъ начинаетъ свое изложеніе современно разселенію Славянъ по русской равнинѣ, куда они, по его мнѣнію, двинулись послѣ нападенія Болгаръ на ихъ прежнюю родину. Вначалѣ они не были между собою связи; была единственная связь между членами извѣстной группы - семейства или рода, управляемаго независимымъ родоначальникомъ. Власть этого владыки надъ его женою, дѣтьми, домашними была неограничена, и изъ этой неограниченности исходило всякое право у древнихъ Славянъ; на осно-

ваніи ея рѣшались все тѣ же бы. Рейцъ дѣлаетъ предположеніе, что и народъ, т. е. начальники родовъ съ ихъ семействомъ и домашними раздѣлились на общины, коихъ собраніе рѣшало споры и опредѣляло отношенія." У Славянъ еще въ то древнее время, по мнѣнію Рейца, существовало земледѣліе, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слова найней лѣтописи: „земля наша велика и обильна" и названіе одного изъ племенъ Полянами. Далѣе начинается изложеніе по періодамъ. 1ый періодъ — „отъ основанія государства до перваго начертанія законовъ" (отъ 862 до половины XI ст.). Вначалѣ перечисляются источники, затѣмъ идетъ глава: „публичное право," подъ которымъ онъ раздѣляетъ право государственное. Объ образѣ правленія онъ говоритъ въ главѣ: „образъ правленія и титулъ". Но въ какомъ сльдѣ ограниченія княжеской власти. Народъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ правленіи. Но князь считалъ важнымъ совѣщаніе съ его боярами и старостинами не потому, чтобы ихъ согласіе было нужно для исполненія княжеской воли, но обычай требовалъ, чтобы князь (частью юный лѣтани) въ важныхъ дѣлахъ выслушивалъ совѣты своихъ приближенныхъ. Это казалось лѣтописцу похвальнымъ. Въ отношеніи къ подданнымъ образъ правленія былъ неограниченнаго монархіи." Далѣе Рейцъ говоритъ о классахъ народа (благороднѣйшіе — бояре и князь, затѣмъ княжеская дружина, или свита, сѣрацы, градоуи и старицы, модекіи, огнищане,

сперды, радювину). Различіе между классами не было. Народъ былъ свободенъ и только по своимъ занятіямъ носилъ каждый то или другое названіе; но занятія не составляли еще спеціальной принадлежности какого нибудь одного класса. Каждый могъ вступать въ дружину князя. Существовало только одно различіе, именно, народъ раздѣляется на 2 племена - Руссовъ и Славянъ, которые, впрочемъ, слившіеся съ теченіемъ времени.

Далѣе Рейцъ говоритъ о частномъ, т. е. гражданскомъ правѣ и гражданскомъ судопроизводствѣ. Второй періодъ - отъ половины XI в. до полов. XVI в. - начинается съ обзорной исторіей; затѣмъ - публичное право: власть и престолонасліе, основанное на обществ. родового быта. „Право старшества на престолѣ было основаніемъ, которое только что начинало образовываться и, какъ бы, еще не довольно твердо укоренилось, а по сему должно было оттолкнуться съ естественнымъ правомъ сыновей на оставленный отцомъ владѣніемъ и на власть его, тѣмъ болѣе, что сіе послѣднее право должно было развиться въ удѣлахъ, кои владѣтели ихъ привыкли почитать своимъ наслѣдіемъ („отчиной“). Въ удѣльный періодъ это право старшества на престолѣ развивается широко, власть удѣльная князя становится самостоятельной и наслѣдственной; князья прикрѣпляютъ къ своимъ удѣламъ. Въ концѣ удѣльнаго періода, князья удѣловъ поступаютъ въ разрядъ высшаго дворянства въ Московскомъ государ-

ство. Отношения между удельными и великими князьями были братские: великий князь — „старший брат“, а удельные — „младшие“. Великий князь заставлял признавать сына своего старшим братом, чтобы упрочить за ним наследство престола. Этой наследственности престола не помыслило и владичество татар, хотя оно и стигало иногда произволом. Хань Ордынский былъ верховнымъ судьей въ рѣшеніи споровъ между князьями. Татарское владичество имѣло важное вліяніе на развитіе неограниченной монархіи, утвержденіе системъ податей и уголовного права. Далѣе, идетъ у Рейца глава о сословіяхъ. По его мнѣнію, въ Новгородѣ и Псковѣ господствовала, не смотря на народное управленіе, аристократія; онъ говоритъ, что въпрямую знатнѣйшіе мужи и рады руководили народными совѣщаніями.

Далѣе идутъ главы: управленіе, уголовное право, частное право и судопроизводство. Третій періодъ — отъ половины XVI в. до 1649 г. Изложеніе въ томъ же порядкѣ, какъ и въ предыдущемъ періодѣ. Книга заканчивается примѣчаніями отъ издателя, въ которыя входятъ главы: происхожденіе Руссовъ, Варяги, Договоръ Олега съ греками и Русская правда.

Третій представитель юридической школы Розенкампфъ. Его сочиненіе: „Обзоръныя Коринѣи Книги“, въ которомъ онъ старается уяснить византийское начало въ русское право, чего почти вовсе не касались Эверсъ и Рейцъ. Къ достоянію нѣмецко-юридической школы

нужно отнести научный характер трудовъ и представителей. Эверсъ принявший начала, выраженные западной наукой по исторіи законодательства, къ матеріалу древне-русской исторіи. Представители названной школы отличались и значительной долей безпристрастия, особенно цѣннаго въ виду ихъ иноземнаго происхождения. Неудивительно, что школа Эверса имѣла цѣлый рядъ послѣдователей: Гегеонава, Шовайскаго, С. М. Соловьева, Никитскаго, Погодина и др. Къ числу недостатковъ названной школы нужно отнести то, что представители ея превеличивали замѣшествованіе русскихъ правовыхъ понятій изъ Германскаго права. Сходство правовыхъ понятій у нихъ объясняется сходствомъ культурнаго развитія.

§ 16. Сергей Михайловичъ Соловьевъ.

Библиографія:

Шенкуновъ. Ученая односторонность. Русское Слово 1864 г.

Гербе. С. М. Соловьевъ. Историческій вѣстникъ 1880.

Безобразовъ. С. М. Соловьевъ. Его жизнь и ученая — Литерат. вѣстникъ. С. 1899.

Клюевскій. Рѣчь и отчетъ, читанный въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета. 18 Янв. 1880 г.